ГОД МИРА И ЕДИНСТВА
media 3-5 АПРЕЛЯ
СЛУЖЕНИЕ
ВЫ – СВЕТ МИРУ!
ГОРОД НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

Татьяна Касаткина: «Достоевский всегда писал о романе человека с Богом»

Христианское Слово

Татьяна Александровна Касаткина (род. 1963, Москва) — русский философ, литературовед, культуролог, религиовед, писатель. Специалист в области теории культуры, теории литературы, философии, религиоведения, творчества Ф. М. Достоевского, русской литературы XIX—XXI вв. Доктор филологических наук (2000). Председатель Комиссии по изучению творческого наследия Ф. М. Достоевского Научного совета «История мировой культуры» РАН, зав. отделом теории литературы ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. Член Международного общества Ф. М. Достоевского (International Dostoevsky Society). Член правления Российского общества Ф. М. Достоевского. Член редакционного совета альманаха «Достоевский и мировая культура», член редколлегии ежегодника «Достоевский и современность», член редколлегии Международного общества Достоевского «Dostoevsky Monograph».

– Татьяна Александровна, в прошлом году мы праздновали юбилей Фёдора Михайловича Достоевского. К его творчеству отношение в России не всегда было однозначное, особенно в советское время. Сейчас, по моим личным наблюдениям, произошел всплеск интереса к Федору Михайловичу. Не всегда этот интерес спровоцирован его юбилеем. На Ваш взгляд, с чем связан этот бум интереса к Достоевскому и его творчеству?

– Вы знаете, это бум непрекращающийся, потому что с юбилеем был связан только биографический фильм, а, скажем, «Идиот» был не так давно экранизирован вне всякой связи с юбилеем. «Братья Карамазовы» (гораздо менее удачный вариант, чем «Идиот») тоже экранизированы раньше. Достоевский – это то, что интересно и актуально всегда.

Я очень радуюсь, когда абсолютно без всякой привязки к датам нахожу на каком-нибудь студенческом сайте МГУ фразу типа: «Если хотите как следует заморочиться –

читайте «Братьев Карамазовых». Действительно, лучшей заморочки не придумать. Достоевский, в отличие от большинства, наверное, русских писателей XIX века, актуален постоянно и актуален именно в таком ключе. К нему обращаются не как к «нашему всему», не как к «бесценному наследию», а вот так: «если хочешь заморочиться». Это ведь что-то очень актуальное, то, что имеет отношение к твоей теперешней жизни. То, что тебя может как-то перевернуть, как-то изменить сознание. Что такое «заморочиться»? Если переводить со студенческого на русский: совершить ту самую метанойю, «изменение ума», переворот сердца.

То есть отношения с Достоевским – это не вопрос юбилея, не вопрос национального наследия, не вопрос отношения к классике; это не вопрос хорошего вкуса, не вопрос имиджа. Это всегда вопрос личной любви или – ненависти, но тоже очень личной. И в этом смысле А.Чубайс со своей брызжущей ненавистью не менее показателен, чем самый любящий Достоевского человек. В.В. Розанов, в частности, что говорит? Что «к Достоевскому каждый становится в очень личные отношения». А.Чубайс встал в эти личные отношения.

Оказывается, Достоевского нельзя попросту «сбросить с корабля современности», забыть за ненадобностью: мало ли кто и какой ерунды наговорил, которая тебя не устраивает? Но он – человек, при упоминании которого его оппонентов начинает трясти. Вот она – актуальность ощутимо явленная!

Достоевский актуален всегда, потому что он делает нечто, на русской почве в таком масштабе только Достоевским осуществленное. Это нечто присутствовало в западно-европейском искусстве, но интересно, что даже европейцы сейчас очень часто к этому приходят через Достоевского. Что же он делает? Он создает в своих произведениях пространство, где человек, находясь в пределах собственной жизни, встречается со Христом. То есть он строит роман необычным образом. Мы ведь и сейчас употребляем жанровое обозначение «роман», имея в виду прежде всего любовный роман, ну и вообще – произведение, повествующее об отношениях между людьми. А у Достоевского он не об этом. У Достоевского это всегда роман внешнего человека с его собственной глубиной. Можно сказать, что это роман человека с Богом. Потому что мы все созданы по образу и подобию Божию – и если человек идет в свою глубь, то с кем он там, собственно, и встречается? И вот оказывается, что это самое актуальное, что только можно себе представить.

Достоевский создает пространство, где не просто человек может встретиться с Богом – но где он неизбежно с ним встречается. Где у него никаких шансов на то, чтобы не встретиться с Ним, не остается.
На одних это пространство Достоевского производит впечатление такое, как на

Чубайса, - на других оно производит впечатление раскрывшегося неба.

– Я сталкивался с мнением, что герои Достоевского нереалистичны, они совершенно фантастичны, их страсти надуманы и искусственны. На Ваш взгляд, откуда это идёт и насколько это утверждение верно?

– Я думаю, что это идёт от одного заблуждения, довольно распространенного, с ним, собственно, и спорят те, кто утверждает «искусственность» героев Достоевского. Говорят: «Достоевский психолог, Достоевский великий психолог». На это Достоевский ещё при жизни ответил: «Меня называют психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой». От чего он тут отказывается? Уточним, что назвать психологом писателя было комплиментом. Достоевский отказывается от комплимента. И в объяснение говорит что-то невнятное с точки зрения современного читателя: «изображаю все глубины души человеческой». Но ведь психолог же именно это и делает? Так вот, ничего подобного, психолог этого не делает. То есть – именно глубин не изображает.

Писатель-психолог – это Л.Толстой. Он остается в очень узком слое, где, собственно, именно психические эффекты оказываются актуально задействованы. Он не идёт за разъяснением человека дальше психологических импульсов, эмоций – пусть и сложнейших. И тут он непревзойденный мастер. Достоевского эмоции совершенно не интересуют, его интересует онтология души, а не её экзистенция. Экзистенция души – это психология. Достоевский онтологист, реалист в высшем смысле. Он вскрывает то, что стоит за человеком психологическим. Именно поэтому кажется, что эмоциональный фон в произведениях Достоевского повышен до какого-то еле переносимого предела. Он, на самом деле, повышен до того предела, где собственно эмоция либо выгорает, либо переплавляется во что-то иное.

Для того чтобы показать, как Достоевский видит мир и что есть эта глубина, о которой я сейчас говорю, надо ознакомиться с одним его замечательным письмом. Я его давно уже настойчиво цитирую, потому что оно – явленный принцип того, как создается образ в произведениях писателя. Если бы Достоевский его не написал, его надо было бы выдумать, но оно, к счастью, написано.

Было такое дело Корниловой: молодая двадцатилетняя мачеха выбросила падчерицу в окошко. Девочка через две минуты встала на ножки и пошла. А мачеха, даже не посмотрев в окно, пошла на себя доносить. Её арестовали, судили без снисхождения и приговорили к каторге. Достоевский поднимает вопрос об аффекте беременности. И ему удается убедить публику, в том числе – одного молодого человека, который в этот

момент как раз работает в департаменте, занимающемся апелляциями. Он пишет Достоевскому с предложением помощи. Достоевский ему отвечает очень деловым письмом: два человека борются за третьего, они сухо, по пунктам описывают, кто что сделал. И вдруг, без всякого перехода, Достоевский начинает: «В Иерусалиме была купель, Вифезда, но вода в ней тогда лишь становилась целительною, когда ангел сходил с неба и возмущал воду. Расслабленный жаловался Христу, что уже долго ждет и живет у купели, но не имеет человека, который опустил бы его в купель, когда возмущается вода. По смыслу письма Вашего думаю, что этим человеком у нашей больной хотите быть Вы. Не пропустите же момента, когда возмутится вода. За это наградит Вас Бог, а я буду тоже действовать до конца» (5 ноября 1876 года). Вот, собственно, здесь, в этой малой капле – принцип построения образов во всех романах Достоевского.

Вот самая жгучая реальность. Суд, Корнилова, молодой помощник – благодетель, который, убежденный суждением Достоевского, обратил на неё внимание и решил помогать изо всех сил. А оказывается, что это все та же евангельская история о расслабленном. Однако это история, которая не повторяется, но которая видоизменилась. Потому что в Евангелии расслабленный так и не дождался своего человека, ему пришлось дожидаться Христа – Бога и человека в одном лице. А здесь вдруг такой человек нашелся.

В евангельской истории, оказывается, были заданы вопросы, на которые в ней самой ответов не было получено. Бог поставил перед человеком такие вызовы, на которые там ему не ответили. Это, собственно, у Достоевского – объяснение длящейся истории человечества, которой не должно было быть в христианстве, ожидавшем второго пришествия Христа вскоре после первого. История движется потому, что Бог постепенно получает ответы на те вопросы, которые Он поставил в Евангелии и на которые Ему не ответили. Это не словесные вопросы, это экзистенциальные вопросы, жизненные вопросы, это вызов и предложение о сотрудничестве, сделанное Богом человеку. Оказывается, суть истории и дело жизни – в том, чтобы на эти вопросы, на эти вызовы как-то отвечать. Вот о чем романы Достоевского.

Ну да, человек очень редко склонен признавать, что его действия в жизни настолько огромны и значительны. Когда он обижает своего ближнего, ему не хочется думать, что он обижает Христа. Когда он игнорирует на улице какую-нибудь бродяжку с младенцем, ему не очень хочется вспоминать вифлеемскую историю, когда Богоматерь на сносях не впустили ни в одну гостиницу. Когда он читает в Евангелии, что «если не сделали одному из малых сих, то не сделали и Мне», - он хочет понять это как метафору. Он не хочет думать, что, отказывая соседу, он отказывает Христу. А Достоевский заставляет осознать именно это. Он заставляет в каждом человеке видеть Христа или Богоматерь.

Да ещё в ком? В убийце и блуднице – в Раскольникове и Соне Мармеладовой!

Я недавно детям в православной школе рассказывала про «Преступление и наказание». Я не высказывала суждений, я просто прочитала отрывок про Соню Мармеладову на каторге и попросила их сказать, что они видят? Вот этот отрывок: «Неразрешим был для него (Раскольникова – Т.К.) еще один вопрос: почему все они так полюбили Соню? Она у них не заискивала; встречали они ее редко, иногда только на работах, когда она приходила на одну минутку, чтобы повидать его. А между тем все уже знали ее, знали и то, что она за ним последовала, знали, как она живет, где живет. Денег она им не давала, особенных услуг не оказывала. Раз только, на Рождестве, принесла она на весь острог подаяние: пирогов и калачей. Но мало-помалу между ними и Соней завязались некоторые более близкие отношения: она писала им письма к их родным и отправляла их на почту. Их родственники и родственницы, приезжавшие в город, оставляли, по указанию их, в руках Сони вещи для них и даже деньги. Жены их и любовницы знали ее и ходили к ней. И когда она являлась на работах, приходя к Раскольникову, или встречалась с партией арестантов, идущих на работы, – все снимали шапки, все кланялись: “Матушка Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!” – говорили эти грубые клейменые каторжники этому маленькому и худенькому созданию. Она улыбалась и откланивалась, и все они любили, когда она им улыбалась. Они любили даже ее походку, оборачивались посмотреть ей вслед, как она идет, и хвалили ее; хвалили ее даже за то, что она такая маленькая, даже уж не знали, за что похвалить. К ней даже ходили лечиться» Не знаю как для протестантов, а для православного очевидно, что так относятся к чтимой иконе Богоматери. Обратим внимание на слова, подбираемые писателем: «когда она являлась». Икона – чудотворная: «К ней даже ходили лечиться».

Оказалось, непросто принять православно воспитанной девочке, что проститутка становится для Достоевского образом Богоматери. Иконой для него стал человек. В глубине человека нужно увидеть Богоматерь. А Раскольников у него Христос! В романе это отчетливо прописано. Помните конец письма матери Раскольникова? «Молишься ли ты Богу, Родя, по-прежнему и веришь ли в благость Творца и Искупителя нашего? Боюсь я, в сердце своем, не посетило ли и тебя новейшее модное безверие? Если так, то я за тебя молюсь. Вспомни, милый, как еще в детстве своем, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы!» Перед нами – Богоматерь с Младенцем. Вот, оказывается, кто Раскольников по заданию. Но как он это задание осуществит – это другой вопрос.

Раскольников изображается не как человек, которого психологические механизмы на что-то подвигли, а как Сын Божий, отказавшийся от своего предназначения, от Божьего

наследства. Вспомним, какие часы он закладывает? Они – наследство от отца. На оборотной стороне изображен глобус. Он получил в наследство – Землю. Для заботы и попечения о ней. Раскольников – человек, который заботится о мире. Он все время спонтанно отдает. Незнакомым. Не имеющим, казалось бы, права на его внимание. Только что и делает, что отдает – на протяжении всего романа. Забирает только один раз – у старухи-процентщицы. Забирает, потеряв веру в преизобилующую благодать и решив, что чтобы кому-то дать – нужно у кого-то отнять. И из этого ничего не выходит. Убил, отобрал, и сразу снес под камушек, не смог воспользоваться. Вот как Достоевский рисует человека!

Конечно, это не те проблемы, которые появляются в узком слое «психологии». И это, наверное, может раздражать. Потому что мы хотим, чтоб было просто. «Это у меня просто потому, что мне на ногу наступили». А Достоевский показывает, что просто ничего не бывает. Человек не остается в этом слое, он им не определяется.

– Татьяна Александровна, Вы в 11 лет, насколько я знаю, первый раз прочитали роман Достоевского «Идиот». Вы сказали как-то в интервью, цитирую, что для Вас «небо стало раскрываться». Скажите, а как это когда небо раскрывается одиннадцатилетнему человечку? И почему благодаря Достоевскому это произошло?

– Видите ли, одиннадцатилетний – не «человечек», это человек во всей его огромности… Я думаю, что ребенку – небо изначально раскрыто. Для меня, например, в 5 лет скорее люди могли казаться нереальными, но Бог уж точно присутствовал везде и во всем. И все были живые: и деревья, и трава, и земля, и камушки. Это потом небо начинает закрываться – потому что близкие люди тебе подспудно внушают, что есть только вот эта реальность, о которую можно стукнуться лбом. И из вещей уходит душа – потому что тебе все рассказывают, вопреки – для тебя – очевидности, что в вещах души нет. И ты чувствуешь себя немножко сумасшедшим, потому что ты же видишь, что душа есть. А потом находится Достоевский, который видит то же самое, что видишь ты. И все становится на свое место.

Тут дело – в удостоверении опыта. В гуманитарной области способ верификации только один: если это видишь ты – и это же видит кто-то ещё, независимо от тебя. Потому что если видишь только ты, то это может быть что угодно. А если видит и находит абсолютно независимый от тебя другой, то значит оно точно есть… Поэтому Достоевский в этом смысле вернул меня в сознание нормальности. Вернул ускользающую от меня реальность, которую тогда слишком многие не могли или не хотели воспринять.

– Я начал интересоваться Достоевским когда мне было 13. По программе прочитал

«Преступление и наказание». Я даже сочинение написал на эту тему: «Город как действующее лицо в романе». Тогда же и поумничать очень хочется и показать, что ты не такой. И только лет в 15 я открыл для себя Достоевского. Я смотрю, как моя дочь и близко не хочет приближаться к Достоевсокму, да и не хочу ничего навязывать.

– Да и не надо ничего навязывать. Литература – не цель сама по себе. Она – путь. А путями все идут разными. И до одних и тех же вещей люди дозревают в разные эпохи своей жизни. А иногда они дозревают до разных вещей – потому что люди, вообще-то, должны понять не одно и то же, но разное. Каждый на своем месте может и призван понять что-то такое, что недоступно больше никому на земле, что открыто только ему, с его единственной позиции – во времени, в пространстве, в Боге…

Потом, можно сказать, что мне повезло. А можно сказать, что это была Божья рука. Потому что если бы я сняла тогда с полки «Преступление и наказание», я думаю, было бы хуже. То, что это был «Идиот», это было промыслительно. А «Преступление и наказание» - это роман, который школьными методиками преподавания испорчен. Заметьте – не учителями, учителя зачастую не любят «Преступление и наказание» именно потому, что читают роман в свете предложенных методик. Методики эти были убийственны для романа, потому что они абсолютно преграждали к нему путь. Они заслоняли все то, что есть у Достоевского. Поэтому, наверное, я не знаю человека, который мог бы прочесть этот роман в тот момент, когда это было предложено по программе – и полюбить. Для этого надо было бы умудриться как-то вывернуться – и сбежать из этого навязанного города-героя.

– Я воспринимал описание улиц, как описание человеческого организма. Для меня роман воспринимался как своеобразное препарирование человеческого организма.

– И это правильно, но может быть двояко истолковано. Обычно утверждали, что Раскольников свершил всё это безобразие, потому что город такой ужасный. Герой как бы становился частью городского организма – и не он действовал – на него действовало всё окружающее. Мы недавно конкурс по творчеству Достоевского проводили в журнале «Литература» - в том числе, и на разработки уроков по Достоевскому. И вот один из шагов урока: «Раскольников выходит на улицу. Жара, духота, распивочные. Учитель спрашивает учеников: «Можно ли нормальному человеку жить в таком месте?»» Замечательно, правда? Выйди в наше время на улицу в июле – хоть в Москве, хоть в Петербурге – и что там будет? Жара, духота, распивочные. Но почему-то в разработке это подается в том ключе, что герой просто не мог не убить, оказавшись в такой ужасной ситуации. Однако Достоевский показывает ровно обратное: он постоянно показывает, как мир ветшает, истлевает, потому что герой допускает в своей душе, то, что он допускает. Не потому что мир какой-то не такой,

герой допускает этот ужас в своей душе, - а процесс-то ровно обратный. «Преступление и наказание» чем хорошо? Оно хорошо для взлома привычного для нас в нашем стихийном позитивизме порядка причин и следствий.

Например, повторяется (Свидригайловым, Порфирием Петровичем) какая-то странная фраза сквозь весь роман, обращенная к Раскольникову: «Вам бы воздуху!» А, казалось бы, вне связи с этой фразой – эпизод: жара, духота, Раскольников идет через площадь и начинает думать: «Хорошо бы здесь фонтаны устроить для освежения воздуха». О чем это? Как все это соотносится? Все становится понятным, если мы будем иметь в виду ядро романа – огромную Евангельскую цитату, по сути, всю главу о воскрешении Лазаря. Кому нужен воздух? Человеку, которого завалили в склепе. Воздух такой вокруг, потому что ты мертвый и сам себя завалил в склепе, когда прятал награбленное. Тем же камнем и завалил. Камень отвали – и воздух вокруг изменится.

В чём состоит роман? Сначала заваливание камнем, со всеми последствиями, и, затем, в самом конце – отваливание камня. Но это человек оформляет вокруг себя мироздание: свет, воду, воздух, отношение окружающих – а не наоборот. Совершенное – и даже только замышленное – тобой убийство отравляет все вокруг. Роман Достоевского написан филигранно. Просто чтобы это увидеть, нужно связать не две-три следующие друг за другом фразы, но все целое нужно держать в голове.

Нужно спотыкаться об эти неожиданные, ни к чему вроде бы не относящиеся, неизвестно зачем попавшие в текст навязчивые фразочки типа: «Вам бы воздуха!» И вот когда мы обо что-нибудь такое споткнулись, и стали думать в этом направлении (а не отмахнулись фразой: «Достоевский плохо пишет»), и стали связывать все появления какого-нибудь одного концепта в романе, то с любого спотыкания мы выйдем на целостную интерпретацию. Но надо именно споткнуться, потому что если мы всё уже заранее знаем: как романы пишут, как их надо писать хорошим языком, - то мы просто раздражимся по поводу этой «бессмысленной» неправильности. Достоевский, кстати, часто использует неправильность языка для того, чтобы создать такую глубину, которую невозможно выразить в этой же фразе, если её правильно построить.

Вот вам пример из «Братьев Карамазовых». Лиза Хохлакова рассказывает Алёше о чудовищной истории с распятым мальчиком: «Я читала про какой-то где-то суд, и что жид у мальчика все пальчики на руках обрезал, а потом распял». Фраза построена совершенно дико, что можно объяснить, впрочем, сбивчивой речью взволнованной героини. Но что в результате этой сбивчивости получается? А получается, что жид у мальчика все пальчика обрезал, а потом распял – по суду. По структуре фразы.
Это неправильно с точки зрения того, что рассказывает Лиза, но это именно то, что

нужно – с точки зрения того, что рассказывает Достоевский. Потому что ему здесь что важно? Ему важно, чтобы здесь проявилось Распятие Христово. В «Братьях Карамазовых» ведь Распятие на каждом шагу. Там каждый герой – при Распятии Христовом, явленном в каком-либо потрясшем его событии самой современной жизни.

Если не увидеть, что здесь изображает Достоевский, можно сказать, что он антисемит, детоненавистник, а Лиза – малолетняя истеричка, и вообще это ложь на детей (я повторяю примерно то, что сказал по этому поводу Горький). А на самом деле она оказывается при Распятии – и она должна ответить на вызов. И что она отвечает? Она ведь дает самые адекватные христианские ответы. На обвинение сквозь века: «Жиды Христа распяли», - Лиза отвечает: «Я думаю, что я сама распяла. Он висит, а я сяду напротив и буду ананасный компот есть».

Это ведь про всю нашу жизнь. Что мы делаем? Мы ведь и буквально ананасный компот пьем под Распятием, если оно висит в общей столовой. И это, с одной стороны, нормально. Что-то ведь такое происходит в христианстве, в результате чего Христова мука не исключает жизненной радости, а наоборот – предполагает ее. Это то, что Достоевский покажет в главе «Кана Галилейская» в том же романе. Пир и праздник, брачное соединение Христа с Церковью, с каждым спасенным, за которого Христос претерпел муку. Тут Крест становится путем к Брачному пиру.

Но есть ведь тут, в Лизиной картинке, и то, что нас ранит – и ранит справедливо. Как часто мы приходим к Распятию как раз этого ананасного компота выпрашивать! Мы говорим, обращаясь к Христу на Кресте: «Дай, дай, дай, дай». Просим сладости житейской – у человека с прогвожденными, как напишет Достоевский, руками и ногами.

Почему мы можем прийти к Распятию и молиться о сладости житейской? Только потому, что мы перестали воспринимать Распятого как страдающего человека. Я думаю, что мы не можем вообразить, чтобы мы действительно пришли к кресту, на котором висит истекающий кровью, умирающий человек и стали бы просить у него: «Этого нам дай, и этого, и побольше». Значит, мы уже воспринимаем Распятие как… произведение искусства. Думаем: «Ему уже не больно, Он не страдает. Потому что это было давно».

Вот Достоевский в нас эту иллюзию рушит. Как его за это не любить? Или – не ненавидеть? Ведь все было так хорошо. Можно было жить и считать себя христианином, отдавая «два рубля». Как Алёша в романе оказывается перед выбором: «Отдать всё – или отдать два рубля и ходить к обедне»? Но его душа требует отдать всё – а мы-то, как правило, выбираем отдать два рубля и ходить к обедне. И вдруг нам говорят, что так нельзя, потому что это – не христианство. Кому ж это понравится?

Но, оказывается, - многим нравится. Тем, кому скучно отдавать «два рубля». Тем, кто пришел в христианство в поисках преображения мира, а не в поисках «духовной» организации своего быта. И для них становится благой вестью, что Он на Распятии-то – живой! И что вокруг нас, не прекращаясь, происходит евангельская история, и Он живет, и мы можем помочь Ему – или Ему отказать. Это же совсем другая жизнь получается.

– Меня всегда поражала Христоцентричность творчества Достоевского. Я помню, что перечитал «Преступление и наказание» будучи студентом факультета журналистики. Я очень ясно помню экранизацию с Георгием Тараторкиным по «Преступлению и наказанию», которая заканчивается признанием Раскольникова и всё. Я был уверен, что этим заканчивается роман. И когда читал концовку романа, то уже, будучи христианином, понимал, что это писатель описывает ощущения возрожденного христианина именно так, как я это пережил… Это было ощущение света наравне с ощущением мрачности мира. Как в нём могло совмещаться детализированное препарирование этого мрака и необыкновенное ощущение света?

– А как это в нашей жизни совмещается? Просто видеть надо уметь. Видеть, что свет – это не по другую сторону тьмы, а что «свет во тьме светит, и тьма не объяла его». И Достоевский нам показывает всё время, как свет начинает светить в той самой глубине, которая кажется непроницаемой тьмой. Вот его задача. Не разделить преступление, наказание и преображение, а показать, как в еще только собирающемся совершить преступление человеке, и потом – в совершившем преступление человеке, сквозь безысходный мрак прорывается внутренний свет. И как от преображения героя преображается весь мир вокруг него. Неразрешим был для Раскольникова в эпилоге вопрос «за что они так полюбили Соню», потому что его-то каторжники в этот момент ненавидели. Он живет в окружении жуткой ненависти. Но после сцены преображения на берегу реки сказано, что каторжники «смотрели на него по-доброму». А ведь он ещё даже ничего не сказал. Человек изменился глубоко внутри – и свет, засиявший в нем, сразу осветил и изменил все вокруг.

Свет никогда до конца не исчезал в Раскольникове. В конце просто рассеивается наконец сковывавший его мрак. Но вот, смотрите: мрак, кошмар начальных страниц «Преступления…»; письмо матери, которое истерзало героя; мучающий его темный замысел. И вдруг Раскольников видит девочку, которую обидели и за которой охотится пышущий жизнью господин. И его первая реакция: он готов ее защищать с кулаками, хотя этот господин хорошо упитан. В нем горит сердце. Он перестает рассуждать – он действует. Подходит городовой. И он отдает городовому последние деньги, чтобы тот отвез девочку домой. Он все устроил. И тут же, как только городовой уехал, вновь начинается мрак заковавшего себя в схему рассудка: «Вот, 20 копеек мои унес, а они

последние, на всех не напасешься, а процент должен уходить куда-то, к черту, должно быть...» Он правильно сказал, куда процент должен уходить согласно таким рассуждениям. Он опять гасит, убивает в себе свет. Но свет в глубине человека – это Христос. Человек убивает в себе Христа, но – Христос бессмертен. Герой его в себе убивает, убивает мучительно, но Христос всё жив. Это как Лиза рассказывает про распятого младенца: «Сказал, что умер мальчик скоро, через 4 часа. Эка скоро! Он стонал, всё стонал, а тот на него любовался». Тут описано то, что мы делаем со своим внутренним Христом. Он в нас заточен и умирает, но – бессмертный – не может умереть, и это очень страшно. Но, с другой стороны, в этом есть бесконечная надежда. Уже убивший Раскольников все свои деньги, «зачерпнув» - не посчитав, не рассчитав – оставляет у Мармеладовых. Вот он, этот свет, который в конце засияет, он спонтанно всё время прорывается. Нельзя сказать: был мрак – стал свет. Достоевский описывает, как свет светит во тьме. Евангелие от Иоанна – его любимое, кстати.

– Русский философ Николай Александрович Бердяев в своей работе «Миросозерцание Достоевского» утверждал, что к Достоевскому, как к явлению духа, нужно подходить обязательно с верующей душой. Он говорил, что сомнение убивает даже понимание того, что он хотел сказать. Еще он говорил, что творчество Достоевского - это бесконечное столкновение мира идей, противоположных друг другу. А зачем Достоевскому противопоставлять идеи? Ведь, казалось бы, можно показать абсурдность идей революционных, нигилизма и идей христианских. Но у него это далеко не так. Особенно в «Братьях Карамазовых». Например, переживания и сомнения Алёши Карамазова, а ведь он положительный герой.

– Ох, Бердяев... Достоевский как-то сказал, по-моему, в черновиках к «Бесам», про христианское учение: «А там и учения-то нет, там только случайные слова, а главное, образ Христа, из которого исходит всякое учение». Я бы повторила с той же парадоксальностью о его творчестве: там и идей-то нет никаких, там один образ Христов... Во-первых, у Достоевского нет положительных героев, как нет и отрицательных. Для его произведений такое разделение нерелевантно. «Положительный» Алёша обожествляет собственного старца, старец для него дороже Христа, заслонил ему Христа, он из-за старца на Бога взбунтовался. Он же не встречается при жизни Зосимы со Христом! Только умерший Зосима в главе «Канна Галилейская» наконец сможет довести его до Христа.

Алеша ждет и жаждет прославления старца. Ему-то самому ничего не надо, но пусть старец воссияет, а он – признанный ученик его. Это же как в Евангелии, когда мать сыновей Громовых ко Христу пристает: «Давай ты моих сыновей у себя в Царствии по правую и по левую руку посадишь». Это ведь тот же грех. Алеша грешит апостольским

грехом, конечно, но это не утешение – ведь самый страшный грешник в истории человечества – Иуда – тоже из апостолов…

А для чего Достоевскому хорошего, «положительного» Алешу, как Вы сказали, портить? Потому что нет хороших и плохих. У Достоевского другое деление: есть герои глубокие, а есть – их очень немного, и все их помнят – плоские.

Если вспоминать персонажей Достоевского, то к кому бы мы могли отнести слово «отрицательный», не рискуя вступить в конфронтацию с каким-нибудь другим читателем, который наоборот этого героя больше всех и любит? Можно сказать, что Иван Карамазов отрицательный герой, но вас сразу побьют его искренние почитатели. Можно сказать, что Свидригайлов отрицательный герой. Но для меня, например, это один из самых любимых героев. Можно сказать: Смердяков отрицательный герой, - но у нас есть уже целая когорта ученых, которые изо всех сил доказывают, какой Смердяков хороший и как перед ним виноваты все остальные, - и они имеют свои резоны. Отец Карамазов – по-своему великолепный. Еще Б. Вышеславцев написал статью: «Федор Павлович Карамазов как идеолог любви», - он описал там высокий эрос в его низшем проявлении.

Но у Достоевского есть герои, которые находятся в каких-то отношениях со своей глубиной, а есть герои, которые от своей глубины отказались. И мы их легко, без спора назовем: Ракитин, Лужин. Они просто сказали: «Нам Тебя не надо». Осознанно или неосознанно. Они захотели быть «сами по себе», чтобы в них, кроме их «я», ничего не было. Но «я» - это что? Всего лишь оболочка. Оболочка, преграда, которая разделяет Бога в мире и Бога внутри нас. У нас своего – ничего нет, кроме этой тонкой пленки. Потому что в глубине человека что? Образ Божий. А снаружи – Божий мир. Как только человек начинает двигаться вглубь себя или, наоборот, к другим с открытыми объятьями, - он делает сразу шаг в обе стороны. Когда он выходит из своей замкнутости, то он сразу, одновременно, делает шаг в свою глубину и открывается миру. И тем самым разрушается существование «только я». Человек приобретает размер, ему свойственный: он распахивается от ада до рая. А эти «только я»-герои, они у Достоевского – скучные и противные. Но главное – скучные.

Так вот, идеи, соответственно, тоже не так делятся. Идеи не противостоят друг другу, они находятся в другом соотношении. Потому что дьявол ничего не порождает, он только редуцирует то, что создано Богом. И все эти идеи, которые воплощены в конкретных персонажах в «Бесах», - это не особые революционные или, там, националистические, но просто редуцированные христианские идеи. Допустим, Шатов, про которого даже говорят, что Достоевский то же самое думал, что и этот его герой. Так вот, идея Шатова – так же редуцирована, как и идея Кириллова, как и идея Петруши Верховенского. Шатов

делает то, что делают сейчас «православные фундаменталисты» – обожествляет народ вместо Бога, ковчег вместо завета, то есть – носителя вместо той идеи, которая должна быть в нем воплощена. И всё, происходит подмена – радикальная, страшная. Нельзя коробке поклоняться.

Без коробки, без носителя, конечно, тоже плохо. Так, протестанты, по Достоевскому, говорят: «Разбейте сосуд. Не поклоняйтесь сосуду. Главное - драгоценное содержимое». Но когда разбивают сосуд – содержимое проливается. Его собирают в свои чашечки – кто сколько успел подхватить. Уносят к себе. Некоторые начинают вместо общего сосуда своим чашечкам поклоняться. А у некоторых содержимое потихонечку высыхать начинает, потому что сосуд к его хранению не приспособлен.

Вот, как считает Достоевский, два возможных уклонения. Народ, безусловно, сосуд для христианских идей, носитель их, но ему нельзя поклоняться вместо Христа. Ибо Бог «может и из этих камней воздвигнуть детей Аврааму». Ему не нужно ни одного «избранного» народа, ни другого «избранного» народа. Народ ценен – и сохраняется – до тех пор, пока несет то, что ему было доверено. Поэтому наши православные националисты очень напрасно себе берут в соратники Достоевского.

Шатов – он прекрасен, но когда он начинает раскрываться в своей красоте? Когда он принимает свою беглую жену Мари со Ставрогинским ребенком. И тут начинается расцвет человека – в любви, бескорыстии и полной самоотдаче. В раскрытии в себе Христа. Вопреки всем идеям.

Нельзя к Достоевскому подходить вне вот этой веры: вне осознания и приятия собственной глубины, собственной связи с Богом. Если у человека этого совсем нет в опыте, то, подойдя к Достоевскому, он будет извиваться, как уж на сковородке, как А. Чубайс, которого мы уже вспоминали.

- Известно, что Анна Григорьевна Сниткина-Достоевская оказала на жизнь Федора Михайловича очень сильное влияние, как, в общем-то, и он на неё. Она очень много отдавала себя семье, защищала Достоевского от всех неурядиц бытовых. Почему тогда дети Достоевского не смогли так реализоваться, находясь в тени своего отца? Сын, насколько я помню, пытался что-то писать.

- Нет, это дочка писала, а сын вообще-то лошадей любил.

- А дочка уехала заграницу.

- А вот дочка как раз в тени отца страдала, подружилась даже с кем-то из сыновей Толстого на эту тему: как тяжело быть детьми великих родителей. Написала книгу: «Достоевский в изображении его дочери». Знаете, я думаю, с чем это было больше всего связано? Анна Григорьевна недаром написала в альбом, где все писали что-нибудь о солнце: «Достоевский – солнце моей жизни». Он действительно для нее стал внутренним и внешним светилом. А для детей ведь это так не было. Они были маленькими, когда он умер. А она себя целиком посвящала ему – и они были просто частью «наследия Достоевского». Очевидно, не самой главной… Собственно, это психоаналитическая проблема. Это была постоянная попытка выйти из тени. При попытке выйти тени, наверное, естественно кидаться в свойства, противоположные тем, которые ценил тот, из чьей тени ты выходишь. Тут возникает чувство повышенной самости. А у нас, у нашей самости, как уже было сказано, нет ничего, кроме своей поверхности. Очень тяжелая вещь – биться за то, чтобы остаться в пределах своей поверхности… Вообще, это вопрос не для краткого ответа, и не к филологу. Тут нужно обратиться к хорошему психологу для большой и развернутой работы на эту тему. Здесь слишком многое нужно учесть. Ведь Любовь Федоровна, дочь Достоевского, в одних описаниях одна, а в других – совсем другая. Кто-то ее видит как личность эгоистическую, в том числе – мама и брат. А кто-то ее видит как личность, наоборот, альтруистическую, стремящуюся помогать людям, не заботящуюся на что она живет, не требовательную к своему быту. Хотя и требовательную к матери по поводу присылки денег. Понимаете, очень уж не плоские существа эти люди, и тут нужно столько на самом деле учесть, чтобы понять, что там происходило.

- Нужно ли прививать (страшное советское слово) современному ребенку любовь к Достоевскому?

- Не нужно прививать!

- Как помочь тогда современному ребенку открыть Достоевского для себя?

- У меня есть дурная привычка: я ем за едой. Поэтому у нас на обеденном столе регулярно стоит подставка. Так одновременно есть и читать неудобно, а на подставочке – хорошо. И я все время оставляла на подставке ту книжку, которую я читала или в которую я хотела бы, чтобы мой сын заглянул. Ну, вот и все – она же на столе стоит. Сядешь чай пить – и неизбежно заглянешь. Правда, при условии, что ребенок привык к чтению и полюбил его. А для этого нужно читать с ребенком. Много. Чтение вслух по вечерам должно быть обязательно. Даже когда ребенок читает уже самостоятельно. А дальше уже все просто – оставляешь книгу, и он заглядывает.

Знаете, как поступила в свое время мама одной моей очень хорошей подруги? Мама

была страстной любительницей Достоевского, а дочь не хотела его читать. Из сопротивления родительскому давлению, наверное. И вот мама оставила роман «Идиот» раскрытым на второй странице на кухонном столе. Дочка туда заглянула, пока чай пила. И пропустила два дня школьных занятий, потому что пока не прочитала роман до конца – не могла ничего другого делать. А прививать искусственно ничего не надо.

Вы знаете, я студентам говорю так: «Читать надо те книги, которые вам интересны. Потому что во всех книгах написано примерно об одном и том же. Просто если вам именно эти интересны, то до вас через них это одно и то же лучше и быстрее дойдет». Эта наша идея привить непременно к кому-нибудь любовь: к Достоевскому, к Пушкину, - она от того, что мы росли с сознанием, что некий комплекс общих цитат – он и есть культура. Соответственно, кто этих общих цитат не знает и этого корпуса книг не читал – тот бескультурный. Так вот, это не так. Он может быть, конечно, и бескультурным, а может быть вполне себе и инокультурным. Он читал другие книжки. Если это были хорошие книжки, то он сможет вполне освоить и наш круг чтения. А, может, ему это не нужно будет, потому что он эти же идеи почерпнул уже из других источников. У европейской культуры есть только одна общая базовая книга, без которой человек оказывается за пределами культуры Европы и России, без которой не сможет воспринимать ни Пушкина, ни Достоевского, ни Диккенса, ни Данте, ни Толкина, ни Роулинг – можно продолжать бесконечно… Это – Библия.

Беседовал Игорь Попов

Поделиться в соц.сетях:

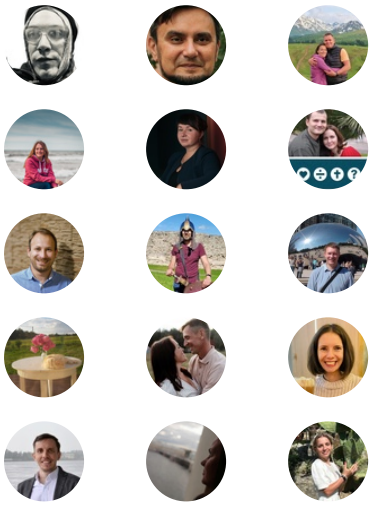
Комментарии

В связи с событиями, происходящими в мире, многие комментарии приобретают всё более оскорбительный, а порой и вовсе экстремистский характер. По этой причине, администрация baptist.org.ru временно закрывает возможность комментирования на сайте.

Похожие новости

РС ЕХБ

6,597 followers



Follow on VK